

Л. А. Тюкина

УДК 32:008.2

<https://orcid.org/0000-0002-5676-2325>

Память и историческая память: соотношение понятий

Для цитирования: Тюкина Л. А. Память и историческая память: соотношение понятий // Верхневолжский филологический вестник. 2020. № 1 (20). С. 181-187. DOI 10.20323/2499-9679-2020-1-20-181-187

В статье рассматриваются вопросы изучения памяти и воспоминаний, исторической памяти, общие и различные механизмы их формирования. Автор использовал комплексный подход, позволивший рассматривать роль памяти и исторической памяти в контексте их регулирования обществом как особого механизма, обеспечивающего непрерывность развития социума, передачу культурных достижений от поколения к поколению. Историческая память общества в целом обеспечивает непрерывность исторического развития, позволяя передавать воспоминания от поколения к поколению. В статье затрагиваются причины, почему исследования исторической памяти вызывают в настоящее время особый интерес. Само существование нации невозможно при отсутствии коллективной памяти. Память формируется на основе воспоминаний каждого члена конкретного общества и является отображением тех событий, которые актуализируются на современном этапе. Значительное внимание уделено характеристике источников изучения памяти, методическим аспектам ее реконструкции в исследованиях. В статье подчеркивается, что при изучении вопросов памяти необходимо опираться на трансдисциплинарный подход. Материалом для анализа служат труды отечественных и зарубежных философов, культурологов историков и социологов. Исследователями изучаются каналы формирования образов прошлого через индивидуальные, групповые и идеологические (религиозные) каналы. В статье представлены такие понятия как «коммеморация» и «рекоммеморация», а также их роль в формировании образов исторической памяти. Результатом анализа исторической трансформации роли памяти становятся процессы формирования индивидуальной и коллективной исторической памяти. Память индивида структурируется и включается в память той общности, к которой человек принадлежит.

Ключевые слова: память и воспоминания; историческая память; коммеморация, рекоммеморация; индивидуальные и групповые воспоминания.

L. A. Tyukina

Memory and historical memory: term correlation

The article discusses the issue of memory, memories, historical memory, and mechanisms of their formation both commonly shared and unique. The author uses an integrated approach that allows them to consider memory and historical memory as a special mechanism which ensures the continuity of the society development and the transfer of cultural achievements from generation to generation assuming they are regulated by the society. The historical memory of the society as a whole provides for the continuity of historical development allowing the transmission of memories from generation to generation. The article explores the reasons for the issue of historical memory attracting widespread interest. The very existence of a nation is impossible in the absence of collective memory. The memory is formed on the basis of the memories of each member of a particular society and is a reflection of those events that are becoming relevant or acquiring significance at the moment. Considerable attention is paid to the characteristics of memory research sources as well as the methodological aspects of its reconstruction in research. The article emphasizes the importance of adopting a transdisciplinary approach when studying memory issues. The research is based on the works of Russian and foreign philosophers, cultural scientists, historians and sociologists who study channels of forming images of the past through individual, group and ideological (religious) channels. The article presents the concepts of «commemoration» and «recommemoration», as well as their role in the formation of historical memory images. The analysis of the historical transformation of the role of memory results in the formation of individual and collective historical memory. The memory of an individual is structured and included in the memory of the community to which the person belongs.

Keywords: Memory and memories; historical memory; commemoration, recommemoration; individual and group memories.

Введение

В основе современной культурологической практики заложен ряд оригинальных концепций, связанных с изучением материальных и нематериальных объектов прошлого. Благодаря им в статье использован комплексный подход, позволивший рассматривать роль памяти и исторической памяти в контексте их регулирования обществом как особого механизма, обеспечивающего непрерывность развития социума, передачу культурных достижений от поколения к поколению.

Память и воспоминания – это общие термины, которые дифференцируются только тем, что память делает возможным для воспоминания. Память в этом смысле имеет виртуальную и явную инфраструктуру. Люди в значительной степени полагаются на внешние воспоминания разных типов, чтобы создать те хрупкие акты сознания, которые обычно называются памятью [Schacter, 1999, с. 496].

Память и воспоминания являются ключевыми категориями гуманитарных наук XX-XXI вв., поскольку отражают исторические процессы трансформации поколений, формируют новые проблемы для изучения в условиях быстрой смены медиа технологий и научной парадигмы.

Литературный обзор

Зарубежные исследователи Э. Ренан, Э. Дюркгейм, С. Чарновский, Ч. Кули и Дж. Г. Мид, М. Хальбвакс и П. Штомпка, рассуждая о контексте воспоминаний, о роли образов прошлого в жизни общества и обратном влиянии процессов социальных преобразований на представления об истории различных коллективов людей, выделяют в своих теориях, главным образом, содержание, закономерности, формирование и развитие коллективных воспоминаний.

Социокультурные исследования Ф. Бартлетта, Л. Виготски, А. Варбурга, М. Блоха, П. Нора такого явления как память раскрывают социальный характер индивидуальных процессов памяти и анализируют механизмы сохранения памяти в группах.

М. Хальбвакс отмечал отсутствие постоянства сохранения и непрерывного преобразования образов прошлого той или иной группы [Хальбвакс, 2007, с. 348]. Автор рассматривал память как социально обусловленный элемент общественного сознания и коллективной идентичности. Память, по его мнению, нельзя рассматривать как нечто, присущее лишь «сугубо индивидуальному телу или сознанию», потому что существует совер-

шенно исключительное явление формирования группового сознания, исследование которого требует трансдисциплинарного подхода [Хальбвакс, 2005, с. 8.]. М. Хальбвакс выделял индивидуальную память, в основе которой лежит личный опыт, и память коллективную, как взаимосвязанные между собой, тем самым он впервые обратил внимание на изучение памяти в рамках коллективного (социального) измерения, а не только индивидуального автобиографического опыта. М. Хальбвакс сформулировал конструктивистское понимание индивидуальных воспоминаний как реконструкций, основанных на современных социальных системах отсчета, которые используют «память, чтобы воссоздать картину прошлого, которая соответствует обществу в каждую эпоху» [Хальбвакс, 2007, с. 348].

Память рассматривалась Дж.Г. Мидом [Мид, 2014] как феномен индивидуального сознания, находящийся в «глубинах духа» и являющийся хранилищем «следов» и «отпечатков» к пониманию того, что содержание памяти и ее внутренняя организация определяется снаружи, посредством инструментов, которые предоставляются культурой, господствующими нормами, социально-политическим контекстом и т. д. Исследователь отмечает, что каждый человек является потенциальным свидетелем. Собственный (первичный опыт) отдельно взятого свидетеля является основой исследования современной истории. Тем не менее, событие, которое переживается несколькими людьми одновременно, не будет запоминаться единообразно. Каждый человек воспринимает другие, субъективно значимые разделы реальности и придает смысл им на фоне предыдущих социальных переживаний. Процесс запоминания является столь же избирательным, как и восприятие. Некоторые аспекты события забываются, в то время как другие, которые теперь кажутся социально значимыми, актуализируются. «Воспоминания – это не прочные, но впечатляющие продукты того, что мы помним из прошлого, верим в настоящее и ожидаем будущего», – отмечает Д. Л. Шактер [Schacter, 1999, с. 496].

Вместе с тем Э. Ренан отмечал, что существование нации невозможно без общих воспоминаний, хотя и происходит коллективное забвение некоторых моментов прошлого [Андерсон, 2001, с. 285]. По мнению Э. Дюркгейма, для сохранения стабильности общества и для того, чтобы его члены понимали историческую преемственность существования своей группы, они должны иметь определенную степень интеллектуального и ме-

морального конформизма своих членов [Васильев, 2009, с. 58]. Согласно С. Чарновскому, герой является олицетворением социального единения и воплощением его важнейших ценностей. Рассматривая данный вопрос, он приходит к выводу, что при помощи культа группа утверждает свое бытие и специфичность [Васильев, 2015, с. 72-91].

Современными отечественными учеными ведутся исследования по данной проблеме. Так, М. А. Барг считал, что «общественное сознание является историческим не только потому, что его содержимое со временем совершенствуется и прогрессирует, но и так, как определенной своей стороной оно «обращается» к прошлому, «погружается» в историю» [Барг, 1987, с. 354]. Л. П. Репина на этот счет полагает, что «в основе всякого описания истории есть историческое сознание, которое объединяет настоящее и прошлое, которые, в свою очередь, затем, проецируются в будущее» [Мысливец, 2018, с. 9-19]. Ю. А. Левада также поддерживает данную точку зрения, утверждая, что это понятие охватывает многие формы, которые стихийно сложились или создались наукой, в которых также свое прошлое [Левада, 1984, с. 191-193] осознается обществом.

Исследователи выделяют различные виды памяти. Феномен «социальной памяти» А. Г. Васильев, Ю. М. Лотман, К. Е. Рыбак, Е. В. Грязнова, О. Н. Астафьева и И. В. Кондаков рассматривают как хранение актуальной социальной информации и передачи её к будущему поколению. «Культурная память как творческий механизм не только панхронна, но противостоит времени... С точки зрения памяти как работающего всей своей толщей механизма, прошедшее не прошло» [Лотман, 1992, с. 201-203.], – упоминалось в исследованиях Ю. М. Лотмана. Память – это способ создания реальности, инструмент социализации и идентификации различных социальных субъектов [Грязнова, 2015, с. 92-106].

Зарубежные и отечественные исследователи изучают механизмы формирования памяти, пытаясь ответить на вопрос, почему одни события забываются, а другие воспроизводятся. Память не может воспроизводить события беспорядочно, комплекс определенных составляющих формирует её. Разнообразие механизмов формирования образов прошлого, по мнению исследователей, является основой актуализации памятных исторических событий [Дмитриева, 2015, с. 134]. Таким образом, память формируется на основе воспоминаний каждого члена конкретного общества и является отображением тех событий, которые актуа-

лизируются на современном этапе, если объединяют воедино воспоминания многих свидетелей.

Методы

Сложность предмета исследования обусловили разнообразие используемых методов для изучения рассматриваемого культурного и исторического феномена. При подготовке научной статьи были использованы общенаучный метод, включающий анализ и синтез, индукцию и дедукцию [Ковальченко, 2003]. Использование синтеза подразумевало воссоединение конкретного события из более мелких составляющих, а индукции – перевода от частного к общему, зачастую вероятностному, положению. В условиях использования анализа как общенаучного метода позволяло двигаться от сложного к простому. Метод дедукции был использован с целью выведения из гипотезы следствий для развития ее содержания и объяснения наблюдаемых явлений.

Обсуждение

Исследователи И. В. Кондаков и О. Н. Астафьева считают, что политика государства не снижает интерес общества к своей истории, культурному наследию, а содействует толерантности, культурному разнообразию и человеческому творчеству [Ковальченко, 2003]. А. Г. Васильев настаивает на том, что представления о прошлом проходят постоянную трансформацию, что они являются не застывшей суммой исторических истин, а скорее, функцией от непрерывных социальных изменений [Васильев, 2009, с. 58].

Следует выделить события, например, формирующие память семьи. Основанные на коммуникативных практиках, благодаря близости, регулярному взаимодействию и совместному опыту членов семьи, данные воспоминания сохраняются и транслируются на протяжении трех-четырёх поколений [Assmann, 1997, с. 43]. В отличие от повседневной формы сохранения памяти, традиции также могут поддерживать воспоминания более 75-100 лет.

Государства-нации в современном мире, используя «фактор демократизации истории» как мощное движение освобождения и эмансипации народов, этносов, групп и отдельных личностей, способствовало быстрому возникновению разнообразных форм памяти национальных меньшинств, для которых отвоение собственного прошлого стало необходимой составляющей утверждения идентичности [Нора, 2001].

Но для того, чтобы группа могла сохранить свои воспоминания надолго и передать их другим поколениям, члены общества должны иметь возможность полагаться на носителей памяти, которые обладают как компетентностью, так и возможностью разрозненные воспоминания прошлого трансформировать в фиксированный поток организованных совместных воспоминаний. Представляется сложным интенсифицировать данный процесс, если живых свидетелей практически не осталось. Например, это актуально в отношении сохранения памяти о непростой судьбе узников концлагерей, воинов и мирных жителей, павших в годы войны, геноцида. Память о жертвах репрессий и войн будет искусственно фиксироваться в устанавливаемых памятниках и мемориалах.

Вместе с тем преимущество «общества, которое читает историю свидетелей или участников событий, описанных в ней» только в книгах, исключается для М. Хальвбакса [Репина, 2004]. По мнению исследователя, работы по истории могут напоминать о событиях, связанных с судьбой той или иной группы, периода общества, но они не смогут отразить целостно те воспоминания живого человека, которые исчезают вместе с уходом очевидца. В данном случае нельзя отождествлять историю с сохранением памяти о тех или иных людях и событиях. По мнению Хальвбакса, историю следует рассматривать как «социальную память», которая подчинена сознательным и бессознательным механизмам выбора группы [Хальвбакс, 2005, с. 8]. Я. Ассманн подчеркивает, что историография зависима от времени и интересов. Он выступает против взгляда на историю как механизма сохранения памяти, так как критический взгляд на исторические события нивелирует любое воспоминание. Согласно Я. Ассманну, «память не имеет ничего общего с исторической наукой» [Assmann, 1997, с. 43]. Если история преследует легитимные цели, то это не «задача историка, а функция социальной памяти». Прошлое, по мнению автора, требует другого познавательного интереса. В нем преобладают «теоретическое любопытство» и «чистое стремление к знаниям», формирование идентичности коллективной памяти [Assmann, 1997, с. 43].

Историческая наука, таким образом, имеет исправительную функцию, которая должна противодействовать легитимной деформации истории через групповые воспоминания [Клевманн, 2002, с. 3-12]. Процесс отбора исторического прошлого, актуализация или сознательное забвение тех или иных фактов связаны с такими понятиями, как

коммеморация и рекоммеморация. Эти два понятия можно считать модификациями механизмов формирования исторической памяти. Один из родоначальников этих понятий А. Мегилл дает определение коммеморации как процесса, когда «зафиксированные воспоминания прошлых событий могут превратиться в нечто, родственное объектам религиозного почитания». Автор полагает, что, в момент возникновения поклонения, «память превращается в нечто иное: память становится коммеморацией» [Мегилл, 2007, с. 110].

Его взгляды оказали влияние на отечественных ученых. Г. М. Агеева определяет коммеморацию как «увековечение памяти о событиях: сооружение памятников, организация музеев, определение знаменательных дат, праздники, массовые мероприятия и многое другое» [Агеева, 2012, с. 156]. Коммеморация рассматривается как целенаправленное актуализирование исторической памяти. В. Н. Бадмаев отмечает, что «историческая память особенно своеобразно реагирует на трагические и драматические события истории: войны, революции, репрессии. Такие периоды характеризуются дестабилизацией общественных структур, ростом противоречий, конфликтов» [Бадмаев, 2012]. В условиях такого рода дестабилизации общества коммеморативные практики играют довольно важную роль. Н. В. Гришина, анализируя взгляды А. Мегилла [Мегилл, 2007, с. 110], считает, что коммеморация является «своеобразным способом скрепления сообщества, целенаправленным воспоминанием». Она отмечает, что «коммеморация возникает в настоящем из желания сообщества, существующего в данный момент, подтвердить чувство своего единства и общности, упрочивая связи внутри сообщества через разделяемое его членами отношение <...> к репрезентации прошлых событий» [Гришина, Школа, 2010, с. 24].

Противоположностью коммеморации является процесс рекоммеморации, представляющий целеустремленный, осознанный процесс забывания, выталкивания из памяти сложных для воспоминания свидетелями исторических событий, например, отсутствие упоминаний о деяниях карательных органов на территории той или иной страны в годы войны. Процесс «забвения», по мнению исследователей, также необходимо определять как один из инструментов формирования исторической памяти. Чем реже упоминаются эпизоды в средствах массовой информации, на уроках истории или исследованиях, тем быстрее данные воспоминания стираются из памяти народа. Данный механизм актуализируют наука и искусство, до-

бывая сюжеты для своих произведений из «хранилища долговременной памяти» – документов [Нора, 2001].

Итак, существует три важных процесса для формирования исторической памяти – актуализация (воспроизведение и узнавание) прошлого, связанная с текущими проблемами, «забвение прошлого» и различные толкования событий и фактов.

Результаты

Историческая память социально предопределена, она генерируется из различных источников, в том числе опирается на личный опыт, то есть включает субъективную точку зрения, связанную с индивидуальными особенностями восприятия, интерпретацией исторического опыта, особенно событий «живой» истории, свидетелем и участником которой был человек. Индивидуальный опыт каждого отдельного человека очень обрывочен, поэтому исключителен и неповторим и охватывает относительно непродолжительный период исторического времени, а значит, не может составлять основу исторической памяти. Он должен наслаиваться, включаться в формируемое обществом историческое информационное пространство, дополнять его, формируя групповые воспоминания. В какой-то степени индивидуальный опыт, эмпирический багаж человека выполняет функции контроля и сличения исторической информации, передаваемой через опыт отдельно взятой семьи.

Основу исторической памяти человека и общества в целом создает та коммуникационная и информационная среда, в которой он находится. Вместе с тем образовательная система и медийная среда в значительной степени контролируются существующей идеологией и рынком. К основным источникам исторической информации следует отнести историческую науку, искусство и литературу, личный опыт. Власть, гражданское общество и церковь выступают главными участниками, заинтересованными в контроле над исторической памятью. Именно данные институты в современном мире формируют «историческое пространство», представленное местами памяти, а также праздниками, годовщинами и другими механизмами актуализации и стимуляции исторической памяти [Мазур]. Основная медийная возможность любого воспоминания – автобиографическая память так же, как конститутивная, как, например, для формы социального воспоминания [Astrid, Wodianka, 2008]. Можно вспомнить только

то, что передается в обмен с другими, и этот обмен требует наличия языковой им семиотической среды (например, в религии).

Заключение

Подводя итог, отметим, что главной задачей формирования исторической памяти является ответственное воспроизведение исторических знаний и представлений, которые существуют в обществе. Данные представления складываются в групповые воспоминания. Однако то, что формируется в групповой памяти может расходиться с индивидуальными воспоминаниями членов общества или воспоминаниями семьи. Исследование восприятия отдельно взятого свидетеля, по нашему мнению, является необходимой основой любого исследования, целью которого является сохранение исторической памяти. Вместе с тем такие факторы, как информационные технологии, рынок, идеология или религия, которые определяют особенности информационной среды и культуры общества, формируются на основе механизма исторической информации и передачи данной информации. Образовательная система и средства массовой информации, места памяти, устные коммуникации выступают механизмами воспроизведения исторических событий.

Библиографический список:

1. Агеева Г. М. Практики виртуальной коммеморации в библиотечно-информационной сфере // Библиотечное дело-2012: библиотечно-информационная деятельность в пространстве науки, культуры и образования. Москва : МГУКИ, 2012. Ч. 1. 156 с.
2. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Москва, 2001. 285 с.
3. Бадмаев В. Н. Ментальность и историческая память // Вестн. Калмыц. унта. 2012. Вып. 1 (13). 80 с.
4. Барг М. А. Эпохи и идеи: (Становление историзма). Москва : Мысль, 1987. 354 с.
5. Васильев А. Мемориализация и забвение как механизмы производства культурного единства и разнообразия // Фундаментальные проблемы культурологии: Сб. ст. по материалам конгресса / отв. ред. Д. Л. Спивак. Москва, 2009. Т. 6. Культурное наследие: От прошлого к будущему. 58 с.
6. Васильев А. Г. Традиция и культурная память в контексте социальных инноваций // Человек и культура. 2015. № 1. С. 72-91.
7. Гришина Н. В. Школа В. О. Ключевского в исторической науке и российской культуре. Челябинск : Энциклопедия, 2010. С. 24.
8. Грязнова Е. В. Социальная память как элемент культуры // Человек и культура. 2015. № 1. С. 92-106.
9. Дмитриева О. О. Историческая память и механизмы ее формирования: анализ историографических кон-

цепций в отечественной науке // Вестник Челябинского государственного университета. 2015. № 6. С. 134.

10. Ковальченко И. Д. Методы исторического исследования. Москва, 2003.

11. Левада Ю. А. Историческое сознание и научный метод // Философские проблемы исторической науки. Москва, 1984. С. 191-193.

12. Лотман Ю. М. Память в культурологическом освещении // Лотман Ю. М. Избранные статьи : в 3 т. Т. 1: Статьи по семиотике и типологии культуры. Таллинн : Александра, 1992. С. 201-203.

13. Мазур Л. Н. Образ прошлого: формирование исторической памяти. URL: <https://journals.urfu.ru/index.php/Izvestia2/article/view/1589> (дата обращения: 22.02.2020)

14. Мегилл А. Историческая эпистемология. Москва : Канон+, 2007. 110 с.

15. Мид Дж.Г. Философия настоящего. Москва : Издат. дом НИУ ВШЭ, 2014.

16. Нора П. Всемирное торжество памяти // РЖ Русский журнал / Т. Тихонова, С. Костырко. 2001. URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/nora22.html> (дата обращения: 22.02.2020)

17. Мысливец Н. Л. Историческая память как социокультурный феномен: опыт социологической реконструкции // Мысливец Н. Л., Романов О. А. Вестник РУДН. Серия «Социология». 2018. № 1. С. 9-19.

18. Репина Л. П. История исторического знания. Историческое сознание и историческая память. Москва, 2004.

19. Рагозина Т. Э. Культурная память versus историческая память // Наука. Искусство. Культура. 2017. Вып. 3. С. 12-21.

20. Репина Л. П. История исторического знания / Л. П. Репина, В. В. Зверева, М. Ю. Парамонова. Москва : Дрофа, 2004.

21. Рыбак К. Е. Современные проблемы регулирования музейной деятельности // Культура: управление, экономика, право. 2005. № 4. С. 37-39.

22. Хальбвакс М. Социальные рамки памяти / пер. с фр. и вступ. статья С. Н. Зенкина. Москва, 2007. 348 с.

23. Хальбвакс М. Коллективная и историческая память // Неприкосновенный запас. 2005. № 2-3 (40-41). С. 8.

24. Assmann J. Das kulturelle Gedächtnis. Schrift, Erinnerung und politische Identität in frühen Hochkulturen, München. 1997.

25. Alon C. Collective Memory and Cultural History: Problems of Method, in: American Historical Review 102 (1997). S. 1386-1403.

26. Assmann J. Das kulturelle Gedächtnis. Schrift, Erinnerung und politische Identität in frühen Hochkulturen, München 1997. S. 43.

27. Astrid E., Wodianka St. Film und kulturelle Erinnerung. Plurimediale Konstellationen, Berlin 2008.

28. Astrid E. Nünning Ansgar (Hrsg.), Medien des kollektiven Gedächtnisses. Konstruktivität, Historizität, Kulturspezifität, Berlin 2004.

29. Burke P. Geschichte als soziales Gedächtnis, in: Aleida Assmann/Dietrich Harth (Hrsg.), Mnemosyne. Formen und Funktionen der kulturellen Erinnerung, Frankfurt a. M. 1991, S. 289-304, hier S. 290.

30. Hutton P. Recent scholarship on memory and history. The History Teacher 33.4 (2000). S. 533-548.

31. Kracht K. G. Gedächtnis und Geschichte: Maurice Halbwachs – Pierre Nora, in: Geschichte in Wissenschaft und Unterricht 47 (1996). S. 21-31.

32. Kleßmann C. Zeitgeschichte als wissenschaftliche Aufklärung, in: Aus Politik und Zeitgeschichte B 51-52/2002. S. 3-12.

33. Novick P. Nach dem Holocaust. Der Umgang mit dem Massenmord, Stuttgart 2001.

34. Schacter D. L., Wir sind Erinnerung. Gedächtnis und Persönlichkeit, Reinbek bei Hamburg 1999. S. 496.

35. Harald W. Die Medialität des menschlichen Gedächtnisses, in: Bios 21 (2008). S. 15-27.

36. Kamenskii A. B. The Battle of Poltava in Russian Historical Memory// Harvard Ukrainian Studies. 2012. Vol. 31. № 1-4. P. 195-204.

37. Al-Farabi R. Z. Historical Memory of Afganistan. URL: <https://bulletin-history.kaznu.kz/index.php/1-history/article/download/122/127/> (дата обращения: 22.02.2020)

Reference List

1. Ageeva G. M. Praktiki virtual'noj kommemoracii v bibliotечно-informacionnoj sfere = Virtual Commemoration Practices in the Area of Library and Information Services // Bibliotечноe delo-2012: bibliotечно-informacionnaja dejatel'nost' v prostranstve nauki, kul'tury i obrazovanija. Moskva : MGUKI, 2012. Ch. 1. 156 s.

2. Anderson B. Voobrazhaemye soobshhestva = Imagined Communities. Moskva , 2001. 285 s.

3. Badmaev V. N. Mental'nost' i istoricheskaja pamjat' = Mentality and Creative memory // Vestn. Kalmyc. unta. 2012. Vyp. 1 (13). 80 s.

4. Barg M. A. Jepohi i idej: (Stanovlenie istorizma) = Epochs and Ideas (Establishment of Historism). Moskva : Mysl', 1987. 354 s.

5. Vasil'ev A. Memorializacija i zabvenie kak mehanizmy proizvodstva kul'turnogo edinstva i raznobrazija = Memorialization and Oblivion as Mechanisms of Cultural Integrity and Cultural Diversity Production // Fundamental'nye problemy kul'turologii: Sb. st. po materialam kongressa / otv. red. D. L. Spivak. Moskva, 2009. T. 6. Kul'turnoe nasledie: Ot proshlogo k budushhemu. 58 s.

6. Vasil'ev A. G. Tradicija i kul'turnaja pamjat' v kontekste social'nyh innovacij = Tradition and Cultural Memory in the Context of Social Innovations // Chelovek i kul'tura. 2015. № 1. S. 72-91.

7. Grishina N. V. Shkola V. O. Kljuchevskogo v istoricheskoy nauke i rossijskoj kul'ture = Vasily Klyuchevsky's School in Historical Science and Russian Culture. Cheljabinsk : Jenciklopedija, 2010. S. 24.

8. Grjaznova E. V. Social'naja pamjat' kak jelement kul'tury = Social Memory as a Component of Culture // *Chelovek i kul'tura*. 2015. № 1. S. 92-106.
9. Dmitrieva O. O. Istoricheskaja pamjat' i mehanizmy ee formirovanija: analiz istoriograficheskikh koncepcij v otechestvennoj nauke = Historical memory and Mechanisms of its Formation: Analysis of Historiographic Concepts // *Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2015. № 6. S. 134.
10. Koval'chenko I. D. Metody istoricheskogo issledovanija = Methods of Historical Research. Moskva, 2003.
11. Levada Ju. A. Istoricheskoe soznanie i nauchnyj metod = Historical Consciousness and Scientific Method // *Filosofskie problemy istoricheskoi nauki*. Moskva, 1984. S. 191-193.
12. Lotman Ju. M. Pamjat' v kul'turologicheskom osveshhenii = Memory in the Light of Culture // Lotman Ju. M. *Izbrannye stat'i: V 3 t. T. 1: Stat'i po semiotike i tipologii kul'tury*. Tallinn : Aleksandra, 1992. S. 201-203.
13. Mazur L. N. Obraz proshlogo: formirovanie istoricheskoi pamjati = The Image of the Past: Historical Memory Formation. URL: <https://journals.urfu.ru/index.php/Izvestia2/article/view/1589> (data obrashhenija: 22.02.2020)
14. Megill A. Istoricheskaja jepistemologija = Historical Epistemology. Moskva : Kanon+, 2007. 110 s.
15. Mid Dzh.G. Filosofija nastojashhego = The Philosophy of the Present. Moskva : Izdat. dom NIU VShJe, 2014.
16. Nora P. Vsemirnoe torzhestvo pamjati = Realms of Memory, the Global Triumph of Memory // *RZh Russkij zhurnal* / T. Tihonova, S. Kostyrko. 2001. URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/nora22.html> (data obrashhenija: 22.02.2020)
17. Myslivec N. L. Istoricheskaja pamjat' kak sociokul'turnyj fenomen: opyt sociologicheskoi rekonstrukcii = Historical Memory as a Sociocultural Phenomenon: Experience of Sociological Reconstruction // Myslivec N. L., Romanov O. A. *Vestnik RUDN. Serija «Sociologija»*. 2018. № 1. S. 9-19.
18. Repina L. P. Istorija istoricheskogo znaniya. Istoricheskoe soznanie i istoricheskaja pamjat' = The History of Historical Knowledge. Historical Consciousness and Historical Memory. Moskva, 2004.
19. Ragozina T. Je. Kul'turnaja pamjat' versus istoricheskaja pamjat' = Cultural Memory vs Historical Memory // *Nauka. Iskusstvo. Kul'tura*. 2017. Vyp. 3. S. 12-21.
20. Repina L. P. Istorija istoricheskogo znaniya = The History of Historical Knowledge / L. P. Repina, V. V. Zvereva, M. Ju. Paramonova. Moskva : Drofa, 2004.
21. Rybak K. E. Sovremennye problemy regulirovanija muzejnoj dejatel'nosti = Contemporary Challenges in Museum Activity Regulation // *Kul'tura: upravlenie, jekonomika, pravo*. 2005. № 4. S. 37-39.
22. Hal'bvaks M. Social'nye ramki pamjati = Les cadres sociaux de la mémoire / per. s fr. i vstup. stat'ja S. N. Zenkina. Moskva, 2007. 348 s.
23. Hal'bvaks M. Kollektivnaja i istoricheskaja pamjat' = Collective and Historical Memory // *Neprikosnovennyj zapas*. 2005. № 2-3 (40-41). S. 8.
24. Assmann J. Das kulturelle Gedächtnis. Schrift, Erinnerung und politische Identität in frühen Hochkulturen, München. 1997.
25. Alon C. Collective Memory and Cultural History: Problems of Method, in: *American Historical Review* 102 (1997). S. 1386-1403.
26. Assmann J. Das kulturelle Gedächtnis. Schrift, Erinnerung und politische Identität in frühen Hochkulturen, München 1997. S. 43.
27. Astrid E., Wodianka St. Film und kulturelle Erinnerung. Plurimediale Konstellationen, Berlin 2008.
28. Astrid E. Nünning Ansgar (Hrsg.), *Medien des kollektiven Gedächtnisses. Konstruktivität, Historizität, Kulturspezifität*, Berlin 2004.
29. Burke P. Geschichte als soziales Gedächtnis, in: *Aleida Assmann/Dietrich Harth (Hrsg.), Mnemosyne. Formen und Funktionen der kulturellen Erinnerung*, Frankfurt a. M. 1991, S. 289-304, hier S. 290.
30. Hutton P. Recent scholarship on memory and history. *The History Teacher* 33.4 (2000). S. 533-548.
31. Kracht K. G. Gedächtnis und Geschichte: Maurice Halbwachs – Pierre Nora, in: *Geschichte in Wissenschaft und Unterricht* 47 (1996). S. 21-31.
32. Kleßmann C. Zeitgeschichte als wissenschaftliche Aufklärung, in: *Aus Politik und Zeitgeschichte B* 51-52/2002. S. 3-12.
33. Novick P. Nach dem Holocaust. Der Umgang mit dem Massenmord, Stuttgart 2001.
34. Schacter D. L., *Wir sind Erinnerung. Gedächtnis und Persönlichkeit*, Reinbek bei Hamburg 1999. S. 496.
35. Harald W. Die Medialität des menschlichen Gedächtnisses, in: *Bios* 21 (2008). S. 15-27.
36. Kamenskii A. B. The Battle of Poltava in Russian Historical Memory // *Harvard Ukrainian Studies*. 2012. Vol. 31. № 1-4. P. 195-204.
37. Al-Farabi R. Z. Historical Memory of Afganistan. URL: <https://bulletin-history.kaznu.kz/index.php/1-history/article/download/122/127/> (data obrashhenija: 22.02.2020)